

Лев Аннинский
Москва

ПОСЛЕДНИЕ ИДЕАЛИСТЫ

Дьявол, как известно, прячется в деталях.

Вот я и собирался, изгоняя дьявола из наших представлений о советских «шестидесятниках», нырнуть в детали, то есть в индивидуальные особенности таких столпов нашего шестидесятничества, как Булат Окуджава или Георгий Владимов, — вникнуть в чисто человеческие особенности этого сюжета. Чтобы он не казался таким уж монолитно ясным. Но поскольку Игорь Виноградов поставил вопрос о целостном наследии шестидесятничества, и мы начали говорить о вкладе этого поколения в литературу, в философию, в идеологию советской и пост-советской эпохи, выскажусь и я на эту тему.

Речь, стало быть, не о деталях, а о вкладе. Это тем более важно додумать, что поколение наше уходит. Физически уходит. Не от террора Гулага и не от военной метели, а от возраста, почтенного, как ни зажмуривайся. Смерть Вознесенского и Ахмадулиной лишь отчеркнула этот уход. Нет Владимира Соколова, нет Владимира Корнилова, Алексея Прасолова, Роберта Рождественского, Юрия Трифонова, Михаила Рощина... Надо подводить итоги. Оправдывать имя.

И тут я спотыкаюсь о слово. Об имя. «Шестидесятники» — имя ложное, мнимое, прилипшее к нам по стечению обстоятельств. Почастливилось Станиславу Рассадину в январе 1960 года в яркой и самозабвенной статье кинуть это слово молодым читателям со страниц журнала «Юность», оно и прилипло: «Шестидесятники»!

Меж тем поколение, о котором мы говорим, сформировалось вовсе не в 60-е, а в 50-е годы. Оттепель — 1954. Двадцатый съезд партии — 1956. Дудинцев и буря из-за его романа — 1957. Пастернак и его Нобелевская премия — 1958. На «либеральные» 1960-е остаётся два года и неделя, после чего Хрущёв отправляется в Манеж громить «абстракционистов», и праздник весны кончается! И катится всё к погрому Пражской Весны. Какие мы «шестидесятники»? «Пятидесятники», если уж на то пошло,

но «пятидесятники» уже имелись в системе христианских сект! Не могли ж мы в атеистической стране взять на второй прокат пропахшее ладаном имя! А вот «шестидесятники» эпохи Чернышевского нам не помешали, и это мы сдублировали! «Мальчишки», клеймённые Щедриным, и «мальчики», клеймённые Грибачёвым, запросто уместились в одном имени.

А мне их как назвать, то есть не «их», а «нас» — нас, «детей XX съезда партии», успевших поверить в коммунизм, который оказался химерой? Что химера, это потом выяснилось, и что мы наивные дураки, — тоже потом. Но мы, дети довоенного времени, успели поверить в то, что счастье вообще возможно, а уж после нас уже никто не верил ни в какие такие миражи. Мы — последние идеалисты, вот мы кто, а никакие не «шестидесятники».

Конечно, и под прилипшее к нам слово можно подгрести всё то, что с нами произошло, в истории сплошь и рядом так делается. Гуляет по Европе какой-нибудь призрак, мы его хватаем, тащим к себе и подгребаем под него всё, что с нами происходит... так что до сих пор тошнит...

Так было же всё-таки что-то, определившее нашу судьбу?

Было!

И «коммунизм» был?

Был и коммунизм. Как та морковка, которую вешают перед мордой лошади, чтобы шла. Чтобы русская историческая кляча, над которой смеялись все, кому не лень, включая и Ленина («русский человек тютя, нужна диктатура, чтобы его взнуздать»), вот и требовалось превратить клячу в боевого коня. Одна мировая война оказалась фактически проиграна, другая, смертельная, надвигалась... не «коммунизм» надо было выстроить, а страну мечтателей и прожектёров превратить в страну мобилизованных солдат. Кто мог сплотить этот наш народ в армию? Перечитайте антисоветчика Пайпса: две силы могли сплотить, причём никакие либеральные кадеты там не ночевали, — сплотить могли или черносотенцы, или большевики! Выпала эта роль — большевикам. А нам — их наследникам — выпало разбираться в том, что же это такое им (и нам) выпало.

Мы этим и занялись, последние идеалисты. Сидели и соображали, где у нас демократия, и чему мы не доучились у якобинцев. От четырёх хвостов выборной системы отсчитывали (прямое, всеобщее, равное... как там дальше... при тайном голосовании...). Так вот, архиважно, батенька мой! — от чего нам теперь отсчитывать. От теории либеральной, в цюрихских пивных обкатывавшейся. Или от смертельного столкновения великих народов в одной, потом в другой мировой войне,

где надо было просто выжить любой ценой. Вы сначала объясните, почему человечество в XX веке сошло с ума, и Россия оказалась на волосок от гибели, — и мы поверили в этот коммунизм химерный, который народ превратил в армию, а уж потом судите, хорошо ли мы боролись с последствиями культа личности.

Я с этими последствиями не боролся. Я только хитрить учился, делая вид, что я дурак, когда цензоры и редакторы корёжили мои тексты. Так хорошо притворялся, будто притворяюсь — куда там шутам и скоморохам. Другие стояли насмерть: «новомировцы» против «партократов», левые против правых, а я шмыгал «пограничной собакой» меж этих лагерей и никак не мог исторгнуть из моего сознания вбитого туда с детства Чернышевского. От своей веры в него не мог избавиться. От своей любви к Вере Павловне и её коммунистическим снам. От этой юридической ошалелости: писатель судит действительность, а критик судит писателя, что и завещал нам автор романа *Что делать*, перепахавший когда-то душу автора брошюры *Что делать*.

Да кто я такой, чтобы судить? И что мне было делать, чтобы избавиться от этого дьявола в своей душе?

Игорь Иванович Виноградов, говоря о внутренних баталиях нашего поколения, вспомнил мою против него статью 1968 года. Против него? Да полно вам! Против него я ничего не имел, я считал его своим учителем в нашей профессии и безусловно лучшим критиком нашего поколения. И ещё — лучшим наследником Чернышевского я считал его! Вот где была зарыта собака! Я хотел исторгнуть из своей души Чернышевского, но на это мужества не хватало, и я накинулся на лучшего наследника Чернышевского, которого считал, повторяю, выше всех в моей профессии. Можете себе представить, чего мне стоило решиться на полемику с ним.

Статья, между прочим, состояла из двух частей, в ней было два героя. Кроме Виноградова — ещё и Виктор Чалмаев, тоже наш ровесник. Две сверхзадачи двух литературных критиков. Человек реальный и человек спиритуальный. Наследник Чернышевского Виноградов и наследник противников Чернышевского, — Чалмаев, робко пытавшийся в своих работах применить идеи и методы Розанова, Бердяева, Шестова. И я так же робко пытался в 1968 году освоить эту идеалистическую половину русского философского наследия плюс к марксизму, которым меня так хорошо подковали в университете. Вот какую статью из двух частей я написал тогда. И показал в редакции журнала «Вопросы философии».

Мераб Мамардашвили, заменявший в тот момент редактора Фролова, статью прочёл и отправил в набор. Когда текст вышел из набора, гранки

прочли либеральные сотрудники редакции. И возмутились! И заявили, что не позволят, чтобы в их прогрессивном журнале наезжали на Игоря Виноградова! Статью выбросили вон. Заметьте, не цензора дуболомные выбросили и не начальники, олицетворявшие диктат, а «рядовые» армии либералов, борцы за свободу слова. Это чтобы вы поняли, какие линии фронта делили «шестидесятников» на лагеря и куда было деваться от этих лагерей.

Куда мне было деваться с моей статьёй? Послал я её в провинцию, в журнал «Дон», в город Ростов на Дону, где были у меня родственные и деловые связи. Там сказали: берём. Но на Чалмаева наезжать не дадим!

Выбросили в корзину ту часть, что про Чалмаева. Так она нигде в ту пору и не появилась. А та часть, что про Виноградова, появилась в журнале «Дон». И мне за неё мало не было! Либералы руки не подавали! Так и ходил некоторое время с клеймом карьериста, продавшегося ретроградам. И думал: а поделом! Надо было с Чернышевским напрямую разделяться! Духу не хватило? А может, и не хотелось лезть к тем давнопрошедшим «шестидесятникам»? Скучно было там! К нынешним хотелось. Вот и влез.

Простите мне, что поддался воспоминаниям. Рад, что рассказал это в присутствии неизменно уважаемого мной Игоря Ивановича. Надеюсь, вы понимаете, что это всего лишь эпизод, исчезающе мелкий в истории нашего поколения. А речь идёт о целостной судьбе этого поколения, вписанного в судьбу страны и народа в трагичнейший момент истории. И тут дело не в том, какие держиморды от идеологии держали намордники на наших вольных устах и как хорошо мы разговорились без намордников. А дело в том, откуда берутся люди, которые идут на гибель, убеждённые, что счастливее их не было никого в истории. И о том, как спасёныши этой гибельной поры пытаются потом понять, где счастье переходит в горе и горе оборачивается счастьем. И почему высокие мечтания оборачиваются низостью рынка, базара и гламура.

А вдруг дьявол нам поможет понять, где мы теперь все оказались? Бог-то уже, наверное, устал от наших прозрений.

Lew Anninski

OSTATNI IDEALIŚCI

Streszczenie

Wypowiedź Lwa Anninskiego jest próbą oceny roli historycznej pokolenia „szestidiesiatników”, dziś coraz mniej licznego. Anninski polemizuje z nazwą „szestidiesiatniki” wymyśloną przez krytyka Stanisława Rassadina — jego zdaniem była to generacja lat 50., gdyż przełomowe wydarzenia odwiły wiążą się z poprzednią dekadą: w roku 1956 Chruszczow wygłosił na XX zjeździe partii referat o kulcie jednostki, a w roku 1958 Pasternakowi przyznano nagrodę Nobla. Praktycznie „liberalne” lata 60. zakończyły się w roku 1962, gdy Chruszczow zaczął gromić malarstwo abstrakcyjne w Maneżu; sześć lat później, w 1968 roku, wojska Układu Warszawskiego wkroczyły do Pragi. Swych rówieśników, zwanych również „dziećmi XX zjazdu”, Anninskij nazywa „ostatnimi idealistami”, „naiwnymi głupcami”, wierzącymi w komunistyczną mrzonkę — ale broni ich i wysoko ocenia jako twórców. Mówi też o ideowej niejedności tej generacji — ilustruje to zjawisko analizą znanej polemiki między liberalnym krytykiem Igorem Winogradowem (którego nazywa „spadkobiercą Czernyszewskiego”) a obrońcą nurtu narodowego Wiktoorem Czałmajewem, „nieśmiało usiłującym wykorzystać w swych pracach idee i metodologię Rozanowa, Berdiajewa i Szestowa”. Wspomina konformizm niektórych „naiwnych idealistów” (również własny) w warunkach cenzury i sporów środowiskowych.

Lev Anninski

LAST IDEALISTS

Summary

Lev Anninski's statement presents the attempt to assess the historical role of the group called "shestidiesiatniki" (sixties' generation), less numerous today. Anninski discusses the name "shestidiesiatniki" invented by the critic Stanislav Rassadin. According to his opinion it was a generation of the fifties, as the thaw's breakthrough events are connected with the previous decade. In 1956 during 20th party convention Khrushchev delivered the speech about the personality cult and in 1958 Pasternak was awarded The Noble Prize. In practice the "liberal" sixties ended in 1962 when Khrushchev started the rout of abstract painting in the Manezh. Six years later, in 1968, the Warsaw Pact's army entered Prague. His peers, also known as "20th convention's children" Anninski names "last idealists", "naive fools", who believed in communist daydream — but he defends them and respects as artists. He also speaks about ideological lack of uniformity of this generation. He illustrates this phenomenon analyzing well-known polemic between liberal critic Igor Vinogradov (whom he calls "Chernyshevsky's inheritor") and defender of national trend Victor Chalmajev, "who shyly sought to take advantage of Rozanov, Berdyaev and Shestov's thoughts and methodology in his works". He recalls the conformism of some "naive idealists" (as well his own) in the circumstances of censorship and community disputes.